

- В советские времена вам приходилось биться за каждую свою картину. Сегодня, когда все вокруг жалуется на отсутствие денег, у вас таких проблем нет?

- Деньги мне было трудно доставать и у советской власти, и у несветской. Но сейчас мне, наверное, проще со спонсорами, чем кому-то, потому что я снимаю про этих людей, и они сами хотят видеть, что происходит в их среде. Сегодня им необходимо свое искусство. Потому что, если они не сумеют сформулировать свою эстетику, как сумели это сделать те же коммунисты, - целое поколение не состоится.

- То есть это такой же соцказ, как при коммунистах?

- Просто «новые русские» - сегодня для всех как ругательство. И все видят в них одно и то же - красные пиджаки, например. Но если ты талантлив, ты к этому «типичному образу» добавляешь еще то, что ты видишь. И я не стараюсь сформулировать какую-то заказную эстетику «новых русских» - это же эстетика нашего времени, мы все в нем живем. Я пытаюсь нащупать его стиль. Потому что отсутствия стиля - ничто, пыль. Те же Алла Пугачева или Кобзон - да они в десять раз более стильные люди, чем, например, Киркоров. И это - беда времени.

- Критика ругала ваш фильм «Музыка для декабря», а спонсоры?

- Тем, кто дал мне деньги, картина понравилась. Хотя их огорчает, что она не приносит доходов. Но пусть фильм ругают, спорят из-за него - он все равно является предметом внимания. Для человека, дающего деньги, это главное. Может быть, это спасает его, как некое лекарство, от его же денег. Я, наверное, кого-то насмеши этим - пусть они пока смеются. Женщины и дети, например, всегда относились к деньгам просто как к источнику человеческих радостей. Но за эти радости ведь, как и за все, надо платить. Ибо просто денег не бывает. И вам все равно придется потратить такое же количество страданий. А чем не страдание, например, скука? Или отсутствие желаний? Я не говорю уже о страхе! Да страх отсутствия денег - мелочь по сравнению со страхом их присутствия! Мне часто говорят, что, мол, богатые у меня «тоже плачут»! Но что делать, если это так и есть? Не плачут только коммунисты...

- Вас часто называют элитарным режиссером. Вы с этим согласны?

- Всегда я делал свое кино - такое, какое мог и хотел. И когда мне говорят: «Тебя не смотрят миллионы!» - я отвечаю:

Лекарство от денег

Сегодня, когда всех потянуло на новое, когда в моду вошли «новые русские», новые певцы, новые кинематографисты, Иван ДЫХОВИЧНЫЙ оказался как бы между двух поколений. С молодыми он смотрится слишком солидно, со своими ровесниками - как-то молодежно. Известный когда-то как актер Театра на Таганке, снявшийся потом знаменитую «Прорву», Дыховичный сегодня единственный режиссер, кто со старых позиций пытается объяснить феномен «новой русскости».

«Так миллионы не ходят и в консерваторию, и Третьяковскую галерею! Но кто-то из этих миллионов выделяется и начинает ходить». Я очень давно сделал этот выбор. Я бросил актерскую профессию, которая была успешной - каждый вечер я получал свою порцию аплодисментов. И я отказался от этого, хотя знал, что режиссер (если, конечно, это не Михалков, что для меня - просто нонсенс) не будет иметь такой известности. И даже известности модельера или банкира... Я был к этому готов.

- Вы всегда так резко отзывались о Михалкове - очевидно, тому есть личные причины?

- И личные тоже. Мы же с Никитой произошли из одного мира. С пяти лет нас пытались подружить. Но он к этому не способен. Это человек, который воспринимает людей как вещи, как свой фон. Он - дрессировщик, а не друг. Я про него все понял, когда у меня умер отец и он позвонил мне и сказал: «Приезжай, Ваня, я хочу выразить тебе соболезнования...» А что до режиссуры... По ремеслу - да, у меня всегда было к нему уважение. Но какой-то уж больно солидный он стал. И столько на нем регалий. А я никогда не любил песню: «Как хорошо быть генералом!» Призми мне Никита ничего не докажет. И я всегда вспоминаю, как Тарковский, посмотрев «Родню», сказал ему: «Ты уже всем доказал, что умеешь снимать кино. Ну так снимай!» Никита тогда не понял...

- Вы как будто не стареете в отличие от своих ровесников...

- Я думаю, человек - мостик между двумя временами. Просто у меня этот мостик был рассчитан на больший промежуток. Вот почему я один из немногих в своем по-

колению, кто продолжает идти и со следующим. Ведь Соловьев и компания - действительно мои ровесники. Конечно, они теперь - «генералы». Но всем ясно, что эти люди уже не входят в обиход. А меня, хоть вы и называете иногда Иваном Владимировичем, просто взять да списать в историю нельзя.

- Очевидно, на это повлиял и круг вашего общения - вы сумели предвидеть многих молодых, которых публика узнает только сейчас.

- Поиному, я слушал «Звуки Му», общался с Пегановым, Охлобыстиным, когда их никто еще не знал. Мое поколение, те, кто теперь в «генералах», посмеивались тогда надо мной.

Все время они подозревали, что тут кроется что-то не то: «Водится с детьми - за барышнями он там, что ли, ухлестывает...» Самим им было гораздо спокойнее с тем, что уже знакомо: Михалков, Кабаков... Ну они и остались в том времени.

- То есть нужно уметь предвидеть, чтобы быть современным?

- Просто не нужно воображать, что сегодня творится все совершенно новое. Нужно искать в новом корни прошлого, и тогда многое, по-моему, можно предвидеть. Всегда важно правильно улавливать какие-то глобальные моменты. Пусть даже ты ошибешься с точки зрения пользы. Скажем, разумно уехать жить в Америку с точки зрения сегодняшнего дня. А с точки зрения чего-то очень важного - совершенно неразумно ехать в Америку. Но это вы поймете через 10 лет. А реальную пользу почувствуете сразу. То же самое и с людьми, и с режимом. Те, кто глобально чувствовал, что советская власть - это не то, уехали задолго до репрессий. Их не требовалось убеждать. И то же самое бы-

ло в Германии. Художник должен руководствоваться интуицией...

- Умение предчувствовать, наверное, применимо и в быту - недаром вы слывете модным человеком.

- Это обыватель носит то, что модно. А тот, кто занимается искусством, должен не следовать моде, а предугадывать ее. Когда двадцать лет назад я ходил в китайских рубашках и колонковых костюмах, которые покупал на Преображенке, на меня смотрели как на большого. А потом это оказалось сверхстильно. Сегодня модно одеваться от Валентино или Армани, но люди богемы, художники - они даже из этих коллекций выберут те вещи, которые понравятся им и которые никто больше не заметит. Потому что сегодня сами модельеры считают это авангардом, а в моду это войдет, может быть, лет через пять. Или вот пример. Я живу на даче. У всех дачи каменные - у меня деревянная. И многих она пугает. Говорят: «Что же это у тебя труба здесь торчит?» Или: «Тут что, так и останется фанера?» Я говорю: «Да, потому что мне так нравится!» А потом открываю японский журнал для архитекторов и вижу там точно такое же сочетание фанеры и металлической трубы. Но модным это станет только через несколько лет.

- Вы, наверное, первым начали работать с западными продюсерами. А теперь думаете, что вам удастся снимать кино про «новых русских» только на их деньги?

- Нет. Настоящее кино стоит сегодня очень дорого. И одними русскими деньгами тут не обойтись. Я сейчас хочу сделать проект с американцем. Они тоже интересуются нашей жизнью. Но им виден один только сегодняшний день. А нужны корни, подход. И как раз такие, как я, могут это дать - мы же выросли здесь. Откуда взялись эти красные пиджаки, эти «козья боза»? Да из нашего же детства! Словно взрослые дяди до сих пор продолжают в «царя горы» играть. Все это оттуда - из подъездов...

- То есть вы задумываете очередной фильм про «новых русских». Как, интеллигентно, он будет называться?

- Наверное, в процессе появится какое-то свое, лучшее название, но чтобы вызвать правильную ассоциацию, он должен, по-моему, называться просто: «Однажды в России».

Беседовал Олег ГОРЯЧЕВ
Фото Эдуарда Кудрявицкого